

Автор - Кристина Лацаре, Рига (Латвия).

Белый дом

из белого дома с колоннами текстов,
из стен переплётных, простроченных нитью -
не выйду. — здесь смерти нет места. - здесь детство.
за коркой - рекламы, картинки, субтитры

котов валерьяновых вводят под нервы.
растянут плакат на стене магазина:
о книгу поэта окурок сто первый
застенчиво тушит изящная джеки.
за джеки стоит и смеётся противно
таинственный сказочник – оле лукойе.
он держит над женщиной зонт без картинок.
о боже, бывает ли в жизни такое? -
бывает, когда городские деревья
не дышат весенней листвою: болтают
на фантиковом языке о беретах,
о кремах, о летних турне по алтаю.
под ярким напором разжёванной прессы
с трудом разминаю затёкшие чресла.
тянусь, как усталое дерево к раю...
светильник на gesslova перегорает.
я падаю ниц. надо мною украдкой
летучая мышь чёрный зонт раскрывает...
мне страшно. я прячусь от душного мрака
в ногах титанических - джинджер и фреда.
танцоры, зевая, мне шепчут: "labvakar*"
смотрю в поднебесье, как в книгу поэта.
читаю стихи засыпающей праже.

---

* labvakar – добрый вечер

Вантовый мост

рукопожатие прямое - то ли братство берегов,
то ли величественный мост над судоходною рекою.
на цементированной коже вижу крошки и ЕГО.
ОН так похож на толстокожего, что звучные стрекозы
в небе и дружное жужжание у ног не потревожат
голову с огненным венком. у длинноногого всего
шаг до созвездия и шаг до русла даугавы. за вожжи
ОН, одинокий человек-громада, держится. аккорд
щёлкает по носу ЕГО, а ОН бренчит на сердцевинных
струнах. симфония на языке раздвоенном звучит
справа и слева, расширяя мир пространства. и машины,
и их хозяева-водители по множеству причин
говоры города не слышат. только два рукопожатных
брата по волею судьбы внимают звукам благодатным.

Пруд Марас

□ *un katreiz tavs vārds skan savādāk...**

□ □ □ □ □ □ *Ojārs Vācietis*

зигзагом дорога - марьин путь.
бегу из амбаров к чаше жизни -
в воде травяной звезду задуть.
как много моих бескрылых солнц
скатилось в камыш с горы небесной.
возможно, на свет был дьявол зол.
возможно, не дьявол: воздух чистый.
дома по-старушечьи, в платках,
кольцом собрались на марью мессу.
и сад, обнимающий закат,
и кровля латышского поэта,
(а в прошлом - трактир "урушалим") -
причастны к утиному концерту,
к вечернему кряканью молитв.
уоставшие ноги входят в чашу.
мне кажется, водяная сила
в опухшие ноги входит с каждой
секундой всё глубже и всё дальше.
не чувствую ног - плоть не болит.
лучом светлячок со дна мне машет...
его помещаю в тонкий, брючный
карман. он в ответ пищит subtilно
на древнем иврите: "мара, мара -
шалом!" забываюсь... вплавь, на брюхе,
туда - до черты, до сна, до ила,
пока светлячку не станет жарко...

наутро - на берег предрассветный.
зелёной рукой - в живой карман.
пищалку, горящий шар, за петли -
на небо; сама же - в закрома.

---

* и каждый раз твоё имя звучит по-другому

